- ПОЛИТИКА И ПРАВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.01.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2025-12-19-22

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна,
Институт государства и права
Российской академии наук,
Доктор юридических наук, профессор,
e-mail: evigpran@igpran.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: ОТ «ЛЕВИАФАНА» К ФИЛОСОФИИ ПРИЗНАНИЯ

Аннотация. *Исследование правовых институтов сквозь призму философских концепций позволяет глубже анализировать содержание элементов политико-правовой реальности. Парадигма включения в правовую систему социально-философских феноменов представляется актуальной в связи с происходящими в современном мире глобальными переменами. Статья посвящена исследованию феноменологического контекста эволюции взаимной ответственности личности и государства.*

Ключевые слова: *взаимная ответственность личности и государства, политико-правовая реальность, феноменология, публичная власть.*

VINOGRADOVA Elena Valerievna,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

THE EVOLUTION OF MUTUAL RESPONSIBILITY IN LAW. PHENOMENOLOGICAL CONTEXT: FROM "LEVIATHAN" TO THE PHILOSOPHY OF RECOGNITION

Annotation. *Examining legal institutions through the lens of philosophical concepts allows for a deeper analysis of the elements of political and legal reality. The paradigm of incorporating socio-philosophical phenomena into the legal system appears relevant in light of the global changes occurring in the modern world. This article explores the phenomenological context of the evolution of mutual responsibility between the individual and the state.*

Key words: *mutual responsibility between the individual and the state, political and legal reality, phenomenology, public authority.*

Устойчивость публичной власти во все времена в определенной степени зависела от доверия граждан. Сегодня оно становится важным элементом ее укрепления, что предполагает необходимость определения критериев доверия, механизмов его обеспечения, методов использования. Теоретический анализ правовой природы, основанной на философских подходах основ доверия государства и граждан, представляет определенный научный интерес [6].

Вопрос о взаимных обязанностях гражданина и государства является центральным для политической философии и правовой теории. Классические модели, основанные на идее общественного договора, закладывают фундамент понимания этой связи через взаимные гарантии безопасности. Обращаясь к концепциям взаимного признания, выход за рамки формального подхода к основе политической общности в государстве позволяет анализировать их с этических и экзистенциальных позиций.

В этой парадигме взаимная ответственность носит симметричный характер. При этом, обязанность гражданина - подчиняться законам, установленным государством, в обмен на защиту жизни, свободы и собственности, государства - обеспечивать безопасность, правопорядок, ради которых и был «заключён договор».

Развивая идеи договорной теории, современная политико-правовая мысль конкретизирует сферы и принципы взаимной ответственности. Ответственность государства перед личностью заключается в гарантии прав и свобод, создание действенных механизмов самоограничения власти. Высшей ценностью признаётся защита базовых прав человека на жизнь, свободу, собственность и личную неприкосновенность, обеспечение верховенства права. Государство через законы и беспристрастные суды гарантирует предсказуемость и справедливость общественных отношений. Правопорядок рассматривается как ключевой фактор, предотвращающий произвол. Важным фактором является создание условий для достойной жизни (активная социально-экономическая политика, перераспределение доходов, производство общественных благ, защита конкуренции, минимизация негативных последствий экономической деятельности (экстерналий).

Ответственность личности перед государством и обществом обусловлена соблюдением правовых норм, как базовое условие стабильности общества. Осознанном участии в выборах, общественном контроле, дискуссиях о целях развития общества. Налоговой дисциплине и бережном отношении к общим ресурсам. Готовностью к защите сообщества.

Теоретическим фундаментом этой концепции в качестве исходной модели, в общественном сознании принят общественный договор. Классическая теория общественного договора, развитая Т. Гоббсом, Дж. Локком и Ж.-Ж. Руссо, предлагает рациональное объяснение возникновения государства и гражданского общества. Согласно этой модели, индивиды в «естественном состоянии», стремясь преодолеть нестабильность и опасность (у Гоббса — «войну всех против всех»), добровольно отказываются от части своих неограниченных свобод и заключают соглашение о создании суверенной власти.

Вопрос о взаимных обязанностях гражданина и государства традиционно осмысляется в западной политической философии через парадигму договора и права. От «Левиафана» Гоббса до «общественного договора» Руссо отношение индивида к политическому целому строится на логике эквивалентного обмена, формального равенства и принудительного поддержания порядка.

Однако, философско-правовая мысль XX века, создала новые формы основ взаимодействия элементов системы государство-общество-личность. В этом исследовании мы тезисно обозначим взгляды феноменологов, стремящихся объективно исследовать природу субъективного, осознанного мира. Как демонстрирует в своём глубоком анализе Поль Рикёр, эта договорная модель, оставаясь необходимым инструментом организации общественной жизни, нивелирует другие измерения отношений внутри сообщества. Сводя богатство человеческого взаимодействия к схеме расчёта и страха, она игнорирует сферы признания, дара и символической взаимности, которые составляют экзистенциальную ткань социального бытия.

Рикёр, обращаясь к феноменологической традиции [4] (Э.Гуссерль, М.Хайдегер, Ж.-П. Сартр, Левинас и др.), философии Гегеля, социологии дара (Мосс, Больтански) и этике agape, предлагает радикальное переосмысление самой основы политической связи. Концепция взаимного признания, проходящая путь от борьбы к миротворческим состояниям дарения, открывает новые горизонты для понимания обязанностей индивида и политического сообщества – горизонты, преодолевающие эгоцентризм и формализм в пользу этики ответственного присутствия-друг-для-друга.

Анализируя договорную модель государства, сквозь призму «вызова Гоббса» в «Левиафане», где взаимные обязательства возникают из страха насильственной смерти и расчетливого стремления к самосохранению. Естественное состояние как «война всех против всех» предопределяется фундаментальным непризнанием: соперничество, недоверие (diffidence) и жажда славы. Государство рождается через отказ каждого от своего естественного права в пользу суверена, то есть через акт, который, по Гоббсу, носит характер взаимного договора.

В этой конструкции Рикёр отмечает отсутствие «самого измерения инаковости». Отказ от права и его перенесение на суверена – это «произвольный волюнтаризм», мотивированный лишь расчетом и страхом, но не ожиданием, идущим от иного субъекта. Уступка власти не обосновывается здесь ожиданием, исходящим от другого. Более того, ключевое понятие, признания прочих равными себе от природы, появляется у Гоббса лишь как девятый естественный закон, почти как моральная добавка к прагматике страха. Таким образом, гоббсовская модель, при всей ее логической стройности, сводит социальную связь к механизму, игнорируя морально-экзистенциальное измерение признания, которое только и может превратить формальный договор в живую взаимность.

Именно этот изъян Рикёр [5] делает мишенью для последующей философской традиции, ищущей более глубокое основание политико-пра-

вовой реальности. Уже Лейбниц, как отмечает Рикёр, указывает, что «объектом права является то, что важно другому», возвращая другого в центр правового отношения. Но подлинный прорыв совершает Гегель, заменяющий борьбу за выживание борьбой за признание (Anerkennung).

В работах Гегеля (Йенского периода) рождается концепция, где политический порядок укоренен не в страхе, а в желании быть признанным. Эта концепция удовлетворяет трем требованиям. Во-первых, она связывает саморефлексию с направленностью к другому. Во-вторых, утверждается движение от негативного (непризнание) к позитивному (признание). Наконец, в-третьих, происходит систематизация через иерархические уровни, соответствующие конкретным институтам.

Гегель, таким образом, заменяет гоббсовское «искусственное» государство понятием нравственной жизни (Sittlichkeit), где право и институты вырастают из диалектики взаимного узнавания. Особенно важен гегелевский анализ преступления. В отличие от простого нарушения договора, преступление – это акт непризнания личности другого. Наказание же становится не возмездием, а восстановлением нарушенного социального признания прав иного субъекта. Гегель определяет это состояние, как «бытие-в-признанности» (Anerkanntsein), как ключевое понятие, подчеркивает Рикёр, означающее не просто формальное обладание правами, а экзистенциальное подтверждение собственной идентичности через другого. Право становится не внешним ограничением, а институализированной формой взаимного признания свободных воль. Однако Рикёр отмечает и ограниченность гегелевского подхода: в его системе множественность индивидов всё же подчинена умозрительной динамике Абсолютного Духа, возвращающегося к себе. Человеческая плюральность рискует раствориться в тотальности.

Опираясь на «систематическую реактуализацию» Гегеля, предложенную Акселем Хоннетом [7], и развитую Полем Рикёром можно выделить три сферы взаимного признания, каждая из которых порождает специфические формы конфликта и институционализации. Прежде всего, это признание в любви (аффективная сфера): взаимное подтверждение в конкретных нуждах, «бытие «я» в другом». Эта до-правовая форма связи (дружба, семья, эрос) основана на доверии и формирует базовую уверенность в себе. Ее негативная форма проявляется в физическом или психологическом насилии, разрушающем доверие к миру. Институционально эта сфера представлена семьей как первичным пространством узнавания, где происходит признание себя в родственных отношениях. Через генеалогический принцип индивид обретает свое место в цепи поколений, что становится основой для последующего социального признания.

На этапе реализации этих идей в праве происходит взаимное признание «личностей» как свободных и равных. Здесь на смену доверию приходит уважение, а локальная близость заменяется всеобщностью правового регулирования и равенством всех перед законом. Расширение сферы прав (гражданских, политических, социальных) обогащает индивидуальные способности. Правовое признание имеет двойную направленность: к норме (легитимация права) и к человеку (признание его способностей). Ответственность здесь становится способностью не только отвечать за себя, но и участвовать в разумном обсуждении и расширении прав.

Признание через социальное уважение (солидарность): взаимное подтверждение ценности конкретных качеств и достижений индивида для жизни сообщества - уровень, связанный с горизонтом общих ценностей. Поль Рикёр, Больтански, Тевено [1], и др. анализируют его через концепцию «порядков значимости» – различных «обществ» или «миров» (вдохновенное, мнения, домашнее, гражданское, рыночное, промышленное), каждый со своими критериями «величия». Социальное признание здесь осуществляется через оправдание – способность действующего лица подтвердить свою значимость в рамках того или иного порядка. Конфликты возникают при столкновении разных порядков значимости, а компромисс становится искусством «сравнивать несравнимое».

Рассматриваемая любовь agape (в библейском и постбиблейском смысле), с ее логикой безвозмездности («даром получили, даром давайте»), становится критическим пределом для любых расчетливых форм обмена, в том числе и для юридического договора. Она напоминает, что в основе социальной связи лежит не эквивалентность, а избыток, великодушие, доверие. При этом замена права agape привело бы к непониманию, путающему и разрушающему смешению. Диалектика любви и справедливости должна постоянно присутствовать в социальной жизни, смягчая жесткость правил и напоминая об изначальном жесте доверия.

В контексте государства и гражданина это означает: их взаимные обязанности не могут сводиться лишь к логике «услуга за услугу». Они должны включать в себя измерение символического дара – жестов доверия, признательности, великодушия, которые не поддаются формальной калькуляции. Государство, помимо предоставления услуг, должно узнавать своих граждан

в их конкретной уникальности. Гражданин, помимо уплаты налогов и соблюдения законов, должен испытывать признательность к политическому сообществу, которое дарует ему идентичность и признание.

Таким образом, взаимная ответственность гражданина и государства предстает не статичным контрактом, а процессом взаимного узнавания и ответственности. Государство ответственно за создание условий, в которых граждане могут быть признаны во всей полноте своих способностей (правовых, социальных и пр.). Гражданин ответственен не только перед государством как институтом, но и перед политическим сообществом как совокупностью других, чье признание составляет его собственную идентичность.

Государство, в свете этой трехчастной схемы, предстает не как искусственный Левиафан, а как высшая институциональная форма взаимного признания, интегрирующая аффективное доверие, правовое уважение и социальную солидарность. Его обязанность не просто обеспечивать безопасность, но и создавать условия для реализации всех трех моделей признания. Обязанность гражданина не просто подчиняться законам, но активно участвовать в процессе взаимного узнавания, в борьбе за расширение сферы признания для всех. Правовое содержание принципа взаимного доверия государства, общества и граждан, значимость которого неоднократно подтверждена в решениях Конституционного Суда РФ, доктринальных исследованиях, диссертационных работах получает новое осмысление в философско-правовых концепциях, формирующих в сегодняшнем сложном и противоречивом мире политико правовую реальность современной правовой государственности.

Список литературы:

[1] Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Люк Болтански, Лоран Тевено; пер. с фр. О.В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н.Е. Колосов. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 576 с.

[2] Виноградова Е.В., Виноградова С.А. Влияние идеи верховенства права, в античной философии, на становление концепции правового государства. /// Образование и право – 2018 - №9- С. 312-316.

[3] Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства. М., 2003. С. 365.

[4] Рикёр, П. Путь признания. Три очерка / П. Рикёр; пер. с франц. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, Б. М. Скуратова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 368 с.

[5] Рикёр, П. Я-сам как другой / П. Рикёр; пер. с франц. Б. М. Скуратова. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.

[6] Савенков А.Н. Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. – 2023. – № 8. – С. 7-23.

[7] Хоннет, А. Невидимость. О моральной эпистемологии признания / А. Хоннет; пер. с нем. А. Шачиной, С. Шачина // Кантовский сборник. – 2009. – № 1 (29). – С. 79–91.

[8] Шачин, С. В. Концепция общества социальной свободы Акселя Хоннета / С. В. Шачин, А. Ю. Шачина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2022. – Т. 25, № 1. – С. 52–69

References:

[1] Boltanski L, Thevenot L. Critique and Justification of Justice: Essays on the Sociology of Hailstones/Luc Boltansky, Laurent Thevenot; per. Fr. O.V. Koveneva; scientific. ed. Translation N.E. Kolosov. - M.: New literary review, 2013. - 576 p.

[2] Vinogradova E.V., Vinogradova S.A. The influence of the idea of the rule of law, in ancient philosophy, on the formation of the concept of the rule of law .///Education and Law - 2018 - No. 9- S. 312-316.

[3] Kerimov D.A. Problems of the general theory of law and state. M., 2003. S. 365.

[4] Ricker, P. Path of recognition. Three essays/P. Ricker; per. From French I.I. Blauberg, I.S. Vdovina, B.M. Skuratova. - M.: Publishing house “Delo” RANEPA, 2021. - 368 p.

[5] Ricker, P. Ya-sam as another/P. Ricker; per. From French B. M. Skuratova. - M.: Publishing House of Humanitarian Literature, 2008. - 416 s.

[6] A.N. Savenkov. Philosophy of law in Russia as the ideological and theoretical basis of national legal ideology: history, modernity and prospects// State and law. – 2023. – № 8. - S. 7-23.

[7] Honnet, A. Invisibility. On the moral epistemology of recognition/A. Honnet; per. With nem. A. Shachina, S. Shachina//Kant collection. – 2009. – № 1 (29). - S. 79-91.

[8] Shachin, S. V. The concept of the society of social freedom Axel Honnet/S. V. Shachin, A. Yu. Shachin//Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2022. - T. 25, NO. 1. - S. 52-69/